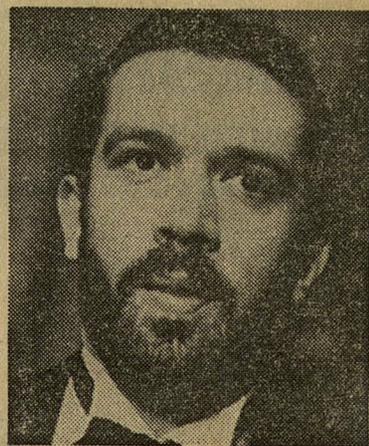

Известия. - 1995. - 22 дек. - с. 9

Талантлив, популярен, скромен -

говорит о себе лидер нового актерского поколения

Как мы жили раньше без Владимира Машкова — уму непостижимо. Актер, снимавшийся в не очень заметных фильмах, режиссер, поставивший два спектакля, еще пару лет назад он был известен лишь завсегдатаям крошечного подвальчика Театра-студии Олега Табакова. Последний год принес ему славу. Он снялся в трех самых громких картинах: «Подмосковных вечера» Валерия Тодоровского, «Лимите» Дениса Евстигнеева и «Американской дочери» Карена Шахна-

зарова, попал в номинацию на «Нику» за лучшую мужскую роль, поставил хит прошлого театрального сезона — спектакль «Смертельный номер», получил почетное звание секс-символа, засветился в десятке клипов, принял участие в десятке телепередач и дал не один десяток интервью. Но при этом так и осталось загадкой, кто же он, Владимир Машков, — спринтер или стайер, калиф на час или долговременное явление в театре и кино?

— Володя, а ты хороший актер, замечательный или средний?

— Ничего себе вопросик! Это просто какое-то социологическое исследование: 30 процентов населения говорят, что он гений, а 70 его знать не знают. Но думаю, что я актер хороший. Даже очень.

— И каковы критерии?

— Критерий один: люди, которые когда-либо со мной работали, хотят работать еще. Мы можем посмотреть на себя по телевизору или в кино и сильно ошибиться. Впечатление другого человека о тебе всегда ближе к истине, чем твое собственное. То же касается и режиссуры. Если актер хочет с тобой работать, значит, ты неплохой режиссер. Существует такая тайна: актер, играющий в спектакле, чувствует себя гораздо лучше, чем зрители. Люди в зале могут обмануться, им даже может понравиться, но актер всегда понимает, когда на сцене происходит что-то не то, и испытывает чувство неловкости. Поэтому, когда человек подходит и спрашивает, будем ли мы с ним делать что-нибудь еще, это лучше всяких характеристик и рекомендаций.

— К кому ты более требователен — к себе или своим актерам?

— Что толку обманывать, конечно, к другим мы более требовательны. Человек же не контролирует себя со стороны — вроде все нормально, никому плохого слова не сказал, а всех обидел, на всех наорал.

— Значит, по отношению к актерам ты диктатор? Или ты им друг, товарищ и брат?

— Я им друг-товарищ-брат-диктатор-нянька. Тут же как: если не настоишь на своем, ничего не сделаешь. «Мне это не нравится!» Что значит не нравится! Должно понравиться! И я, как режиссер, всеми средствами должен добиться того, что мне нужно. Когда я работаю режиссером, то требую железной организации, никогда не опаздываю на репетиции, соблюдаю режим. У нас репетиции в 10 часов утра, и если придет режиссер, который хочет спать, для актеров это смерть. Потому что они-то спать хотят однозначно. Не бывает такого, чтобы на репетицию пришел актер, готовый работать. Он только к вечеру, часикам к семи, разогревается.

— И ты тоже?

— Ну, конечно! В этом-то и парадокс! Как актер я совершенно безобразный. Всегда опаздываю на репетиции, не соблюдаю никакого режима. Вообще не люблю людей с расписанием внутри, которые едят по часам и делают утром зарядку. Лично я никогда не делаю. Я могу ее ночью сделать, потому что у меня жизнь заканчивается в 5—6 часов утра.

— Скажи, а твои режиссерские и актерские амбиции совпадают с тем, чего ты уже добился?

— Ну амбиций-то никаких особых нет. Амбициозный человек — это человек, у которого отсутствует чувство адекватности. Он не соразмеряет свое истинное значение с тем, что он сам о себе думает. Вот честолюбие — да. Нормальное мужское чувство. Человек должен быть честолюбив, и я не исключение.

— Я не случайно задала этот вопрос. Последнее время Олег Павлович Табаков не раз говорил о том, что ты — тот человек, которому он со временем передаст театр. У тебя не возникает чувства неловкости оттого, что он публично объявил тебя своим наследником? Да и груз велик.

— Табаков не из тех людей, которые уходят на пенсию. Вернее, формально он, может, и уйдет. Для него это будет моментом освобождения от внутренней ответственности. Больше времени станет проводить со своим сыном Павлушей, «отлетит» голова на ненужные проблемы... Но то, что он вместе с этой пенсией уедет к Матроскину в село Простоквашино и будет там выращивать клубнику, — в это я слабо верю. Он будет играть, ставить. Он, естественно, останется художественным руководителем. Просто появится человек, который займется массой технических проблем. Это нормально явление, когда у человека есть ученики, способные продолжить его дело. И я очень рад, что именно во мне Олег Павлович увидел такого ученика.

— А ты способен?

— Надеюсь, да. У меня множество идей, которые можно реализовать, работая в театре. Это вовсе не означает, что был театр Табакова и вдруг превратится в театр Машкова. На моих глазах масса людей начинала что-то свое, ломая старое. Выглядело

это весьма жалко. «Табакерка» не просто основана Табаковым. Это театр с традициями и характером, заложенными Олегом Павловичем. Театр, где каждый человек им обласкан и привлечен. Даже если говорить о чисто материальных вещах. Он идет в какие-то высокие инстанции и пробивает общежитие, квартиры. Наш театр — единственный, который дает квартиры.

— Года два назад тебя можно было назвать актером сугубо театральным. Кино тебя почему-то почти не замечало.

— Да и я его слегка побаивался. Для человека, который всю жизнь занимается театром и любит его, кино — неведомый мир, иное измерение. Театральный актер и актер кино — совершенно разные профессии. Разные краски, разные актерские манки, приспособления. Театр можно сравнить с тренировочной площадкой, а кино с рингом, где нужно сразу показать результат. Я помню, как приехал к Карену Шахназарову на съемки «Американской дочери». Начинаем первую сцену, а я не могу ничего сделать, потому что работаю, как в театре. То есть просто переигрываю. Все делаю больше, чем нужно. Снимаем черт-те где, в Сан-Франциско, времени нет, съемки дорогие... Шахназаров в панике, я тоже. Дня три это продолжалось, пока я понял, что к чему.

— Популярность, как и многим другим актерам, тебе принесло кино. А как на тебя влияет успех? Что в тебе изменилось за последнее время?

— Повысилась степень ответственности. Понимаешь, сейчас я уже не могу сделать какую-нибудь гадость. Хотя любой человек имеет право на ошибку. У меня вообще два комплекса: я очень боюсь начала работы, испытываю страшные мучения, кидаюсь в разные стороны, пока все само собой не расставляется по местам. А потом с ужасом думаю о том, смогу ли еще что-нибудь сделать в жизни. А что касается популярности... Когда выходишь на сцену, люди должны знать, что перед ними известный актер. Это обязательно! Это закон! А когда разговариваешь с коллегами, об этом надо забыть. Я чувствую, что многие хотят видеть во мне такого «звездного мальчика» и ждут — ну когда же, когда его начнет клинить, когда же мы смо-

жем сказать: а-а! вот видите! еще один со звездной болезнью! Они одного не понимают: я же взрослый человек, я не могу измениться! Я как любил, как чувствовал, как ненавидел, как жил еще в 70-е — 80-е, когда у меня мозги начали собираться, таким и остался. Никакие перемены на меня повлиять не могут.

— Мне одно непонятно: в твоей ситуации, когда кино никто не видит, а в «Табакерку» приходят сто человек постоянных зрителей, что значит быть популярным?

— Ну что значит: кто-то увидел по ТВ, кто-то прочитал в газете, потом пришел в театр, посмотрел. Год назад гаишники задержали меня как-то ночью за превышение скорости, а увидев, тут же отпустили. Узнали по «Лимите», которая тогда только вышла на экраны. Не думаю, что они специально ходили в кинотеатр. Может, посмотрели кассету, может, увидели сюжет по телевизору, неважно. Это только доказывает, что люди еще чем-то интересуются.

— А у тебя нет ощущения перебора со средствами массовой информации, клипами, рекламой, тусовками?

— Есть, но что теперь поделаешь. Я могу, конечно, послать, когда мне позвонят с очередным предложением, но тут-то как раз и начнется: ну вот, дождался! Начались «звездные» дела!

— И напоследок вопрос. Как ты считаешь, существует ли какая-то основная черта, определяющая лицо поколения тридцатилетних? И можно ли нынешних тридцатилетних вообще назвать поколением?

— Разумеется, можно. Хотя о людях одного возраста как о целом поколении не говорили очень давно — с шестидесятых. Дальше, в 70-х, 80-х было так: да, мы здесь, но не трогайте нас. Ирония, пустота, скука. Шестидесятники возникли на переломе жизни. Сейчас тоже происходит перелом, поэтому появились новые люди. Новый тип лица, новый стиль жизни, новый образ действий. При полном отсутствии возможностей, опыта, в состоянии жуткой растерянности эти люди начали что-то делать. Это и есть черта поколения — способность к действию. Какая-то часть тридцатилетних на пустом месте вдруг начала зарабатывать фантастические деньги. Другая часть научилась отчаянно их отбирать. Кто-то снимает невероятные клипы на европейском уровне. Кто-то построил дом, кто-то театр, кто-то кого-то убил. Началось движение. В этом движении многих может раздавить. И это тоже печальная примета поколения.